

Лицо Чжи Вэй вспыхнуло, а сердце дрогнуло от каждого взгляда и улыбки Дун Сяня. Неужели в Поднебесной и впрямь существуют столь прекрасные мужчины?

— Чжи Вэй? — Лю Синь, увидев, что девушка застыла, замахал рукой у неё перед глазами.

— Вы звали, Ваше Высочество? — опомнилась та. К счастью, в сумерках ничего не было видно, хотя её лицо уже горело огнём. — Надо же, а господин Дун такой человек... Неужели его уровень культивации был разрушен? Как жаль.

Лю Синь вздохнул и тихо проговорил:

— Глупышка, всё-таки ты ничему не учишься. Никогда не позволяй внешности вводить себя в заблуждение. Кто знает, может, он просто притворяется.

Чжи Вэй, не желая сдаваться, принялась защищать Дун Сяня:

— Он выглядит таким хрупким и утончённым, совсем не похоже, что он владеет боевыми искусствами. Ваше Высочество слишком подозрительны.

Слуга и господин остались при своих мнениях, и Лю Синь добавил:

— Дун Сянь очень близок с Ван Маном. И вдруг — внезапная травма и желание занять в дворце должность, далёкую от ратных дел. Тебе не кажется, что здесь что-то не так?

— Не кажется, — упрямо ответила Чжи Вэй.

Видя её непоколебимость, Лю Синь решил больше не спорить. По крайней мере, он сам был начеку, и никакие уловки не могли сломить его решимость.

Цокот копыт, пронзительное ржание — белая лошадь остановилась перед роскошным особняком с алыми воротами. В лучах закатного солнца Дун Сянь ступил на разбитые тени и вошёл в дом Ван Мана. Слуги, увидев его, поспешили увести коня и проводили гостя внутрь. Повсюду царила пышность и богатство, подходящие высокопоставленному вельможе; несмотря на осень, в садах всё ещё дышало весной. Извилистые галереи, павильоны и терема — чем дальше заходил Дун Сянь, тем сильнее ощущалась тишина этого огромного дома. Он торопливо следовал за слугой, и на его обычно улыбающемся лице впервые промелькнула тень тревоги. Миновав множество переходов, они остановились у изящных покоев. Дун Сянь хотел было постучать, но опустил руку и тихо толкнул дверь. Внутри всё было расставлено безукоризненно.

На кушетке полулежала добрая на вид женщина. Она была уже немолода, на лбу чётко проступали морщины, а по огрубевшим рукам можно было догадаться, что в прошлом ей приходилось много трудиться. Служанка, заметив гостя, легонько подтолкнула её:

— Госпожа, господин Дун пришёл навестить вас.

— Сестра-невестка, — Дун Сянь подошёл ближе, опустился на корточки рядом с ней и тихо проговорил: — Последние несколько месяцев я был очень занят делами, поэтому не мог прийти.

Дун Юйланы, услышав голос Дун Сяня, приоткрыла глаза и, выпрямившись, произнесла:

— Работа превыше всего. Его светлость был к нам щедр, Сянь-эр, ты должен отплатить ему сторицей.

Дун Сянь молча кивнул:

— Как ваше здоровье, сестра-невестка?

— По-старому, ни лучше, ни хуже. Вот только князь слишком заботлив: приставил ко мне столько служанок, всё делают за меня, я даже не привыкла.

Дун Сянь бережно погладил её по руке:

— Вы столько натерпелись в прошлом, пора бы и отдохнуть. — Он вспомнил родной Юньян, край, полный болезней и бедствий.

Родители Дун Сяня скончались вскоре после его рождения. У старшего брата и его жены не было детей, поэтому они взяли на себя роль родителей и вырастили его в пелёнках. Но беда не приходит одна: во время эпидемии старший брат погиб. Старшая невестка стала ему как мать: она растила его как родного, в одиночку поставив на ноги. С тех пор как Дун Сянь начал что-то понимать, он называл матерью лишь одного человека — Дун Юйланы, свою сестру-невестку. Даже в роскошных одеждах она была лишена манер аристократок.

Она провела рукой по лицу Дун Сяня, словно мать, ласкающая дитя. На пальце сестры-невестки виднелся бледный шрам. Сердце Дун Сяня сжалось от боли: если бы не она, спасавшая его, этот шрам не оставила бы зелёная бамбуковая змея. Среди всех змей Центральных равнин — щитомордников, пятишаговых змей — яд зелёной бамбуковой змеи распространяется быстрее всех.

Тогда они были в горах. Увидев ядовитую змею, притаившуюся за спиной Дун Сяня, невестка, не раздумывая, бросилась наперерез, приняв на себя смертельный укус. Редкие травы из сокровищницы Ван Мана поддерживали её жизнь, но не могли полностью вывести яд. Прошло

уже пять лет. Противоядия не существовало, лишь уиский линчжи, хранившийся у Ван Мана, мог сдерживать недуг, но никто не мог поручиться, что жизнь больной не оборвётся внезапно. Дун Сянь невольно вздохнул.

Дун Юйлань, видя его беспокойство, сказала:

— Не печалься. Мне хорошо, к тому же в этом мире рано или поздно все прощаются.

Если бы не он, сестра-невестка наверняка прожила бы сто лет. Дун Сянь кивнул и промолчал.

Женщина, ощупывая его запястье, наткнулась на шрам от меча и потянула руку к себе, чтобы рассмотреть:

— Сянь-эр, ты поранился? Это же уязвимое место для того, кто практикует боевые искусства. Если тебя ранили здесь, неужели...

— Я не оправдал ваших надежд, сестра, я не сберёг себя. Теперь моя культивация полностью утрачена.

Услышав это, женщина всхлипнула и вздохнула:

— Я живу в доме князя, ежедневно расходуя столь драгоценный линчжи, и всё из-за того, что ты пошёл на такой риск ради меня.

— Не волнуйтесь, сестра. Пусть я больше не могу сражаться за князя на поле боя, я всё ещё полезен ему в других делах.

— И хорошо. Милость — как капля воды, за неё нужно платить источником. Никогда не забывай добра, которое нам оказали.

Дун Сянь тихо ответил. Служанка принесла на стол целебный отвар, и он, покормив сестру с ложечки, дождался, пока она уснёт, и вышел.

Дворец Вэйян был построен в седьмой год правления Гао-цзу. Хотя это была императорская резиденция, она походила на роскошное поместье с озёрами и скалами. Золочёные перила, столы из красного дерева и зеркально гладкий пол придавали ему ослепительный вид.

Лю Ао расхаживал по галерее своих покоев, не в силах наслаждаться красотой дворца. Сегодня утром слуги доложили, что у наложницы Си отошли воды и роды уже близко. Хотя он не

спешил объявлять наследника, отсутствие детей в зрелом возрасте вызывало неловкость.

Он посмотрел на Лю Синя, стоявшего рядом — сдержанный, спокойный, со временем из него выйдет прекрасный правитель. Лю Ао вздохнул: если бы у него был такой сын, его собственное бремя стало бы куда легче.

Снаружи раздался голос евнуха:

— Вдовствующая императрица прибыла!

Потекли вереницы придворных дам. Ван Чжэнцзюнь, в золочёной короне, увешанная драгоценностями, выглядела настолько роскошно, что это резало глаз.

— Лю Синь приветствует вдовствующую императрицу. — Лю Синя с самого утра вызвали во дворец, он выглядел уставшим, но поправил одежду и отвесил почтительный поклон.

Ван Чжэнцзюнь, увидев его, нахмурилась:

— Встань.

Она села на стул у искусственного озера и обратилась к Лю Ао:

— Синь-эр должен заниматься учёбой, зачем Вы, Ваше Величество, постоянно вызываете его во дворец?

Лю Ао рассмеялся:

— Я просто очень люблю этого ребёнка. Синь-эр одарён свыше, он освоил за год то, на что у других уходит три...

Ван Чжэнцзюнь не желала слушать похвалу и перебила его:

— Учёба должна быть на первом месте, не стоит развивать в нём высокомерие. Если Вы будете так же баловать моего внука, я не позволю. — При упоминании о внуке Ван Чжэнцзюнь не смогла скрыть волнения. — Надеюсь, наложница Си подарит династии сына, тогда Вам не придётся всё время смотреть на чужих детей.

Эти слова были сказаны с намёком. Лю Синь лишь стоял в стороне, не меняясь в лице.

Снаружи снова объявили: прибыли Ван Ман и Дун Сянь. Дун Сянь был одет в простой халат, и, увидев Лю Синя, едва заметно улыбнулся, подобно ряби на воде. Лю Синь коротко кивнул в

ответ.

Ван Ман, заметив вдовствующую императрицу, опустился на колени:

— Племянник приветствует тётушку.

Ван Чжэнцзюнь улыбнулась:

— Вернулся и не пришёл проведать меня. Если бы не рождение наследника у императора, ты бы и не вспомнил о своей тётке.

— Простите племянника, впредь буду приходить чаще, — отшутился Ван Ман. — Я достал для Вас на Юге лучшие шёлковые ткани, из них сделали несколько одежд — они такие лёгкие и тёплые, во всём дворце не найти подобных.

Ван Чжэнцзюнь была довольна, однако при взгляде на Дун Сяня её лицо изменилось:

— Господин Дун, говорят, вы ранены? Как вы сейчас?

— Благодарю за беспокойство, Ваше Величество, я почти здоров. — Дун Сянь смотрел прямо на неё. Хотя прямых доказательств не было, казалось, будто его взгляд возвышался над всеми, включая саму вдовствующую императрицу.

Ван Чжэнцзюнь почувствовала раздражение. Дун Сянь! Этот человек, вращающийся в дворцовых кругах — почему небеса наделили его столь непостижимым сердцем и столь несравненной красотой? Она боялась его с самой первой встречи. Она твёрдо решила: нельзя подпускать его к императору или Ван Ману. Взгляд её упал на Лю Синя, и она просияла:

— Господину Дуну нужно больше отдыхать. Слышала, вы очень эрудированы — почему бы вам не стать учителем Синь-эра? Это поможет ему лучше учиться.

Она не могла подпустить Дун Сяня к своему сыну и племяннику, но до детей других наложниц ей дела не было. Она вспомнила былые распри — Центральные равнины всегда славились красавицами, в одном дворце Вэйян их тысячи.

Ван Чжаоцзюнь — её имя отличалось лишь на один иероглиф, но она была во всём лучше. К счастью, та была лишь служанкой, к счастью, её портрет был испорчен, к счастью, император не успел её заметить, и к счастью, её отослали к хунну! Ван Чжаоцзюнь ушла, но Ван Чжэнцзюнь всё ещё приходилось сталкиваться с тысячами других женщин.

Вспоминая всё это, вдовствующая императрица чувствовала страх. А чем сильнее был страх, тем больше она беспокоилась о своём положении. Она уже не помнила, какой из наложниц

была бабушка Лю Синя, но в этом гареме каждый, кроме неё самой, был врагом.

— Прекрасное предложение! — Лю Ао перевёл взгляд на Дун Сяня. — Я как раз думал, какую должность вам дать. Тётушка, вы мыслите верно. Господин Дун, будьте учителем Синь-эра.

— Не смею ослушаться воли вдовствующей императрицы, я приложу все силы, чтобы обучить Его Высочество конфуцианским канонам, — тихо ответил Дун Сянь.

К удивлению всех, Лю Синь подошёл к императору и Ван Чжэнцзюнь:

— Благодарю вдовствующую императрицу за милость, но у меня уже есть учитель. Господину Дуну нужно поправляться, пусть лучше остаётся во дворце Вэйян. — Оставлять Дун Сяня во дворце — это как раз то, чего он хотел избежать.

Ван Чжэнцзюнь холодно заметила:

— Что, не нравится мой выбор?

— Тётушка, вы не так поняли, — вмешался Ван Ман. — Я вернулся поспешно и не успел предупредить Его Высочество: его бывший учитель был отослан в родные края за то, что в стихах оскорбил двор.

— Учителя выслали из Чанъаня? — удивился Лю Синь. — Дядя, есть ли доказательства?

Ван Ман усмехнулся:

— В его стихах — сплошные намёки. За такое полагается смертная казнь, так что то, что его оставили в живых, уже проявление милосердия.

— Он учил меня ортодоксальному конфуцианству, я никогда не слышал от него того, о чём говорит дядя. — Лю Синь бросил взгляд на Дун Сяня, но увидел лишь всё ту же чистую улыбку; казалось, ничто не могло поколебать его спокойствие.

Лю Ао, выслушав их, произнёс:

— Неважно, были ли там намёки или нет, старый учитель уже в годах, ему пора на покой. Я издам указ: Дун Сянь будет наставником Синь-эра.

— Не стоит утруждаться, — Дун Сянь взглянул на Лю Синя и обратился к императору: — Не нужно императорского указа. Я готов учить Его Высочество в течение трёх месяцев. Если спустя этот срок он останется недоволен, тогда и пригласите другого.

Его уверенный тон прозвучал как вызов, и сердце Лю Синя сжалось.

Лю Ао захохотал:

— Хорошо, пусть будет так! Только у тебя травма, не перенапрягайся. А Синь-эр пусть больше не возвращается в свою резиденцию, пусть живёт во дворце.

— Благодарю, Ваше Величество, — Дун Сянь повернулся к Лю Синю, глядя на него свысока.

Лю Синь почувствовал в этом взгляде дерзость. Он не любил конфликтовать, но и не собирался бежать от проблем. Откашлявшись, он добавил:

— Благодарю, Ваше Величество. Тогда, господин Дун, прошу, покажите, на что вы способны.

Хитрость обернулась против них самих. Ван Чжэнцзюнь хотела спровадить обоих, а вышло так, что они оба остались во дворце. Она уже собиралась возразить, как вбежал главный евнух, бледный как полотно:

— Докладываю вдовствующей императрице и Его Величеству: наложница Си родила.

Лю Ао просиял:

— Скорее, мальчик или девочка?

— Принц, но... при родах пуповина обернулась вокруг шеи младенца, — голос евнуха дрожал. — Наложница едва выжила, а ребёнок... из-за слабости не прожил и получаса...

Лю Ао в ярости ударил евнуха ногой:

— Ты хочешь сказать, что мой сын мёртв?

Евнух упал на колени, не смея поднять головы. Император был в ярости: столько ожиданий, и всё впустую.

— Отдать приказ: наложницу Си — в холодный дворец! — прорычал он.

Дун Сянь тихо вздохнул, жалея женщин этого дворца. Они ждут ночи с императором, а после — лишь бесконечное ожидание. Смерть принца обрекла мать на вечное одиночество. Ван Ман же едва заметно улыбнулся, и улыбка тут же исчезла.

Лю Синь слушал крики императора и вдовствующей императрицы, не проронив ни слова. Он не понимал, как можно делить сердце на части. Он не хотел быть императором, ведь это значит нести ответственность за слишком многих.

— Бесполезные, все они бесполезны! Не смогли даже ребёнка сберечь! — Ван Чжэнцзюнь была вне себя от гнева.

Служанка, видя её состояние, решила разрядить обстановку:

— Не гневайтесь, Ваше Величество, вчера у нашей собачки во дворце Чанлэ родилось три щенка.

Ван Чжэнцзюнь любила собак, и это немного успокоило её.

Снаружи прибежала императрица Чжао Фэйянь. В золотом халате с фениксом, с изящными бровями и алыми губами, она была настоящей красавицей. Чжао Фэйянь была добра и, услышав, что наложница Си потеряла ребёнка, разволновалась и не побоялась войти, когда император был в ярости.

— Ваше Величество, как Си? Она должно быть убита горем, позвольте мне составить ей компанию.

Лю Ао, пребывавший в дурном настроении, отрезал:

— Не надо. Я уже распорядился.

Чжао Фэйянь хотела спросить ещё, но Ван Чжэнцзюнь уже встала, собираясь уходить. Проходя мимо императрицы, она презрительно проронила:

— У собаки во дворце Чанлэ родилось три щенка, а у некоторых... даже до собаки не дотягивают.

Чжао Фэйянь побледнела. Она была тихой и не привыкла к таким оскорблениям. Глядя на уходящую свиту, она, мать всей страны, не сдержала слёз и, пошатнувшись, наткнулась на чью-то грудь. Она обернулась и встретила взгляд водянисто-ярких глаз.

— Императрице нехорошо? Может, приболели? — Ван Ман придержал её и обратился к служанкам: — Помогите Её Величеству.

Чжао Фэйянь вздрогнула:

— Просто слишком быстро шла, всё в порядке.

Лю Ао даже не взглянул на неё, лишь холодно сказал:

— Раз нездоровится — иди, делами наложницы Си не занимайся.

Чжао Фэйянь опустила глаза, в них читалось разочарование. Она не удержалась и оглянулась, снова встретившись взглядом с Ван Маном. Поспешно отвернувшись, она ушла.

Дун Сянь видел всё и, заметив многозначительную улыбку Ван Мана, пожалел невинную императрицу.

Лю Ао, немного остыв, сказал Лю Синю:

— Я дарю тебе дворец Юйян. Отправь людей в свою резиденцию, с сегодняшнего дня ты и господин Дун будете жить там.

Он отказался от сопровождения и ушёл в свои покои. Ван Ман похлопал Лю Синя по плечу:

— Кажется, император очень тебя любит. Старайся, чтобы не разочаровать его.

Лю Синь, не питавший симпатии к Ван Ману, лишь промолчал. Ван Ман и Дун Сянь переглянулись и ушли.

Главный евнух, избежав гнева императора, вытер пот со лба:

— Ваше Высочество, господин Дун, позвольте проводить вас во дворец Юйян.

Лю Синь не пошёл с ними, сославшись на дела в резиденции, и ушёл. Дун Сянь отправился с евнухом один. Дворец Юйян традиционно предназначался для наследника, но пустовал из-за отсутствия детей у императора — по этому назначению было видно, какое значение Лю Ао придаёт Лю Синю.

Хотя дворец уступал покоям Лю Ао, архитектура и галереи были вполне достойными. Дун Сянь огляделся и, собираясь осмотреться, увидел приближающуюся фигуру. Это был слуга с узлом в руках, идущий очень быстро. Дун Сянь почувствовал неладное и инстинктивно коснулся рукояти кнута на поясе.

К его удивлению, человек даже не замедлил шаг, стремительно проходя мимо в сторону выхода. Во дворце был строгий запрет на быстрый бег для слуг. Дун Сянь, увидев у него в руках вещи, не похожие на те, что берут для поручений, подозрительно окликнул:

— Стоять.

Фигура на мгновение замерла, а затем зашагала ещё быстрее.

Одинокий, печальный дворец был подобен клетке. Год за годом слуги пытались сбежать, хотя за это грозила смертная казнь. Дун Сянь не решался действовать опрометчиво: человек выглядел решительно, словно шёл на верную смерть. Если преградить ему путь, он будет биться до последнего.

— Если уж решил бежать, почему выбрал такое время? Даже если пройдёшь мимо меня, стража у ворот не пропустит. — Только после этих слов человек остановился. Поблизости никого не было, Дун Сянь подошёл ближе: — Так спешишь покинуть дворец... родные при смерти?

Мужчина обернулся. Обычные черты лица, но глубокие, пронзительные глаза. Дун Сянь, не отводя взгляда, быстро потянулся к узлу:

— Брось вещи, слишком броско. Сразу видно, что ты беглец.

Он действовал молниеносно, но человек увернулся. Дун Сянь внезапно улыбнулся:

— Ваше Высочество, к чему всё это? Если вы так не хотите жить со мной, могли бы попросить императора издать указ и заменить меня.

Человек перед ним изменился в лице, став величественным.

Дун Сянь добавил:

— Ваше Высочество, вы отлично маскируетесь. Но я уверен: когда я тянулся за узлом, это было неожиданно. Если бы вы не были начеку, вы не смогли бы так быстро уклониться.

— А господин Дун разве не сдерживал свою силу? — человек заговорил, и это действительно был голос Лю Синя. — Разве может главный шпион Ван Мана провалить попытку отобрать какой-то узел?

Лю Синь был раздражён тем, что его план не удалось до конца проверить. Тот момент с узлом был ключевым: Дун Сянь потянулся, и Лю Синь, инстинктивно уклонившись, выдал себя. Лю Синь был на несколько лет моложе Дун Сяня, но ростом почти не уступал, и, глядя на него, не проигрывал в решимости. В первый же день наставничества ученик устроил проверку, и Дун Сянь, слегка удивившись, улыбнулся:

— Ваше Высочество хочет, чтобы я начал урок сегодня?

— Люди Ван Мана не должны быть настолько прямолинейны, — холодно ответил Лю Синь. — Господин Дун, не скажу, что изучил все каноны, но знаю немало. Посмотрим, хватит ли у вас знаний, чтобы учить меня.

— Если не хватит — это даже к лучшему. Если ученик превзошёл учителя, я буду только рад. — Игнорируя колкости, Дун Сянь перешёл к делу.

Вода усмиряет огонь, мягкое побеждает твёрдое.

<http://bllate.org/book/21155/2144379>